

**НЕГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ОРГАНИЗАЦИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ АДВОКАТУРЫ И НОТАРИАТА»**

Юридическое отделение

Доклад на тему:

«Понятие уголовного права в широком смысле »

**Докладчик:
Студент группы 41-3
Одилова Руфина Р**

Москва-2020г.

Г.А. Есаков

ОТ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ К УГОЛОВНЫМ ПРОСТУПКАМ, ИЛИ О СУЩЕСТВОВАНИИ УГОЛОВНОГО ПРАВА В «ШИРОКОМ» СМЫСЛЕ

Статья посвящена вопросам разграничения административных правонарушений и преступлений. На основе анализа истории вопроса, существенных признаков административных правонарушений и особенностей механизма привлечения к ответственности автор доказывает принадлежность этой области правонарушений к уголовному праву, формулируя концепцию уголовного права в «широком» смысле.

Не являясь статичным явлением, право находится в постоянном развитии, и иногда такое развитие ведет к возрождению понятий, институтов и концепций, похороненных, казалось бы, в прошлом.

В 1990-е годы мы стали свидетелями возрождения рынка ценных бумаг, института несостоятельности (банкротства), суда присяжных и других правовых явлений минувших дней. Сегодня на повестке дня стоит воссоздание права (уголовных) проступков как составной части (подотрасли) уголовного права в «широком» смысле слова.

Соответственно, только за неимением подходящего слова (возможно, его удастся найти в будущем) проступки условно названы уголовными.

Обусловлено это, во-первых, наблюдающимся системным кризисом в определении границ уголовного и административно-деликатного права и, во-вторых, и как следствие, уже проявившимся или предполагаемо критическим отношением европейской юстиции к российскому праву административных правонарушений. Далее мы обозначим кризисные «натяжения», существующие между УК РФ и КоАП РФ и с учетом исторического опыта попытаемся обрисовать возможные подходы к конструированию уголовного права в «широком» смысле.

Аксиоматичными являются положения о том, что административные правонарушения обладают меньшей общественной опасностью по сравнению с преступлениями (если вообще ею обладают); что, соответственно, административные наказания должны быть меньшими в сравнении с уголовными и что, наконец, такая природа административных правонарушений и наказаний оправдывает внесудебное в большинстве случаев привлечение к ответственности. В настоящее время все эти аксиомы могут быть поставлены под сомнение. Так тезис о том, что административные правонарушения обладают общественной опасностью, практически не ставится под сомнение [9, с. 48–55 ; 18, с. 493–505 ; 20, с. 292–296]; еще в 1969

г. Н.Ф. Кузнецова справедливо отмечала, что «Спор по существу давно принял терминологический характер: как называть вредоносность преступлений и иных правонарушений: одним термином “общественная опасность” либо различными терминами» [18, с. 498]. Однако меньшая общественная опасность административных правонарушений является, как представляется, неуловимым по большей части критерием отграничения первых от преступлений. Декриминализация многих деяний и, напротив, перевод административных деликтов в уголовную сферу подчас оправдывается абстрактными и отвлеченными ссылками на общественную опасность. Ярким примером здесь выступает клевета (ст.128 УК РФ в действующей редакции), которая на протяжении менее чем года дважды «кочевала» между УК РФ и КоАП РФ: при ее и декриминализации, и криминализации использовались ничего не проясняющие отсылки к общественной опасности деяния.

Разработанный в ответ на известные события законопроект No 142303-6 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях противодействия оскорблению религиозных убеждений и чувств граждан, осквернению объектов и предметов религиозного почитания (паломничества), мест религиозных обрядов и церемоний» предполагает дополнение УК РФ ст.243.1, создаваемой фактически на основе ст.5.26 КоАП РФ и предполагающей уже уголовно наказуемое оскорбление религиозных убеждений и чувств граждан и (или) осквернения объектов и предметов религиозного почитания (паломничества), мест, предназначенных для совершения религиозных обрядов и церемоний.

При этом в пояснительной записке к законопроекту со ссылкой на то, что «такого рода посягательства являются общественно опасными, поскольку нарушают традиционные и религиозные нормы, выработанные обществом на протяжении многих веков, его нравственные устои, противоречат морали, влекут тяжкие последствия и носят яркую антисоциальную направленность»; однако это не проясняет того, почему соответствующие деяния не могут преследоваться по КоАП РФ, в чем заключена особая общественная опасность, обуславливающая необходимость именно уголовной репрессии.

В этой ситуации на помощь могла бы прийти упорядоченная система административных и уголовных наказаний, не пересекающихся (в идеале) между собой или (по меньшей мере) пересекающихся в незначительной степени. Законодатель, будучи связан системой наказаний, не мог бы произвольно относить деяния либо к уголовной, либо к административной сфере.

Однако этот критерий разграничения не работоспособен, поскольку в настоящее время системы уголовных и административных наказаний совпадают не только в значительной, но и – что более важно – в значимой

части, то есть в связи с видами уголовных и административных наказаний, влекущих наибольшие ограничения прав и свобод граждан.

Парадоксальная ситуация складывается, к примеру, в связи с лишением свободы и административным арестом 3 : ч.1 ст.56 УК РФ по общему правилу запрещает назначать наказание в виде лишения свободы лицам, признанным виновными в совершении преступления небольшой тяжести, тогда как за меньшее по общественной опасности административное правонарушение КоАП РФ позволяет назначать административный арест на срок 3 Ссылка на то, что административный арест не является лишением свободы, по меньшей мере смехотворна; в контексте же определений административного ареста («административный арест заключается в содержании нарушителя в условиях изоляции от общества...» (ч. 1 ст.3.9 КоАП РФ)) и лишения свободы («лишение свободы заключается в изоляции осужденного от общества...» (ч.1 ст. 56 УК РФ)) она не выдерживает критики. Есаков Г.А.

От административных правонарушений к уголовным проступкам... 39 до 15 (а в ряде случаев – до 30) суток, и то, что лишение свободы минимально назначается на срок от двух месяцев, а административный арест – до 1 месяца, не имеет особого значения в контексте противоречивого подхода законодателя, полагающего, с одной стороны, существующими преступления, за которые нельзя назначать лишение свободы, и, с другой, административные правонарушения, которые могут быть им наказаны. Штраф, назначаемый в соответствии с УК РФ на сумму от пяти тыс. руб. (ч.1 ст.46 УК РФ), с одной стороны, не пересекается с административным штрафом, назначаемым гражданам на сумму до пяти тыс. руб. (ч.1 ст.3.5 КоАП РФ); однако это положение незамедлительно дезавуируется штрафами для граждан в размере до 300 тыс. руб. (ч.1 ст.5 КоАП РФ), которые в ряде случаев превышают в разы штрафы за некоторые преступления.

Например, санкция ч.1 ст.138 УК РФ предусматривает среди иных видов наказаний штраф в размере до 80 тыс. руб., ч. 1 ст. 139 УК РФ – до 40 тыс. руб. При этом число исключений из общего правила о размере административного штрафа для граждан все возрастает, что ставит под вопрос уже само правило. Обязательные работы в КоАП РФ ст. 3.13) и в УК РФ (ст. 49) совпадают по содержанию («обязательные работы заключаются в выполнении физическим лицом, совершившим административное правонарушение, в свободное от основной работы, службы или учебы время бесплатных общественно полезных работ» и «обязательные работы заключаются в выполнении осужденным в свободное от основной работы или учебы время бесплатных общественно полезных работ») и частично пересекаются по срокам их назначения (от 20 до 200 часов по КоАП РФ и от 60 до 480 часов по УК РФ).

Лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью (ст.47 УК РФ) в трактовке п.12 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 декабря 2008 г. № 25 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также

с их неправомерным завладением без цели хищения» идентично лишению права управления транспортным средством (ст.3.8 КоАП РФ), так что срок последнего засчитывается в срок соответствующего уголовного наказания.

Иными словами, фактически вопрос о включении деликта в УК РФ или КоАП РФ решается исходя из политических соображений, в которых доводы об общественной опасности в равной степени могут обосновать любой выбор: если законодатель заинтересован в суровом наказании в упрощенном процессуальном порядке конкретного деяния, гипотетически ничто не мешает ему включить последнее в КоАП РФ. Вопрос только в том, до каких пределов здесь он может пойти, поскольку ограничитель в виде общественной опасности не применим на практике по определению, а ограничитель в виде наказуемости не работает в современной России.

К сказанному можно добавить и иные «точки напряжения», существующие между УК РФ и КоАП РФ: это и рассогласованность понятий (например, должностного лица в примечании к ст. 2.4 КоАП РФ и примечании 1 к ст.285 УК РФ), и выборочное использование административной преюдиции в УК РФ, и охват фактически должных уголовно наказываться деяний исключительно КоАП РФ тогда, когда субъектом правонарушения является юридическое лицо, и т.д. В отсутствие (точнее, в условиях слабой разработанности) собственной теории состава административного правонарушения эта отрасль законодательства фактически прибегает к уголовно-правовым конструкциям и институтам, при чем в случае молчания КоАП РФ о некоторых институтах (например, о соучастии, стадиях, необходимой обороне) высказываются сожаления о том, что он не заимствует их из УК РФ [4, с. 2–9 ; 26, с. 130–132].

Так, в Постановлении заместителя председателя Верховного Суда РФ от 9фев Есть мнение 40 аля 2006 г по делу No 38-ад05-1 в контексте ст.7.27 КоАП РФ при верном выводе о том, что «КоАП РФ не предусматривает приготовление к совершению административного правонарушения или покушение на административное правонарушение», при определении момента окончания мелкого хищения фактически делается отсылка к конструкции момента окончания хищения (фраза «мелкое хищение путем кражи образует состав административного правонарушения с момента тайного изъятия чужого имущества и возможности им распорядиться» имеет очевидное сходство с разъяснением, содержащимся в п.6 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г . No 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое»). Однако в принципе для права административных правонарушений ничто не мешает сконструировать иной момент окончания правонарушения, тем более что в уголовном праве изложенное понимание момента окончания хищения утвердилось только в начале 1970-х годы (п.10 Постановления Пленума Верховного Суда СССР от 11 июля 1972 г . No 4 «О судебной практике по делам о хищениях государственного и общественного имущества»).

При этом в литературе высказываются предложения установить ответственность за покушение на совершение административного правонарушения, а состав ст.7.27 КоАП РФ анализируется с отсылкой к упомянутому постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г . № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» [21, с. 46–50]. Формулировки ст. 2.7 КоАП РФ о крайней необходимости и ст. 2.8 КоАП РФ о невменяемости схожи с соответствующими нормами ст. 39 и 21 УК РФ. Разъясняя положение ст. 2.9 КоАП РФ о малозначительности совершенного административного правонарушения, Верховный Суд РФ в п. 21 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2005 г . № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» использует фактически конструкцию ч. 2 ст. 14 УК РФ.

Поставленные проблемы усугубляются еще тем, что привлекают внимание европейской юстиции. И хотя Европейский Суд по правам человека на сегодня только в частных случаях обращал внимание на российское право административных правонарушений, его сложившаяся практика в контексте ст.6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод заставляет задуматься не о существовании права административных правонарушений с упрощенным процессуальным механизмом привлечения к ответственности, а о необходимости разработки уголовного права в «широком» смысле с надлежащими процессуальными гарантиями прав обвиняемого лица.

В литературе вопрос об «уголовности» российского права административных правонарушений в контексте практики Европейского Суда по правам человека уже обсуждался [2, с. 67–78 ; 7, с. 49–53 ; 19, с. 35–48]. При этом наблюдается интересное размежевание: так, административисты осторожно констатируют возможное несоответствие российского законодательства Конвенции о защите прав человека и основных свобод и ограничиваются общими словами о необходимости учета правовых позиций Европейского Суда по правам человека при реформировании российского права [2, с. 67–78 ; 19, с. 35–39, 48] (только в редких случаях высказываются предложения об освобождении предмета административного права как отрасли права, поддерживающей функционирование юридического механизма, созданного для осуществления исполнительной власти, от нагрузки в виде права административных правонарушений [1, с. 27–29]).

Напротив, представители уголовно-правовой науки и специалисты в области европейского права прав человека более конкретны, и, указывая на системные недостатки КоАП РФ, призывают задуматься о самом существовании этого «советского пережитка» [7,с.53], относят все административные правонарушения к «уголовной сфере» в контексте ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод [15, с. 98] или по меньшей мере подчеркивают сохраняющееся единство в принципиальных

подходах к механизму административно-деликтного и уголовно-правового регулирования [5, с. 18–19].

Подводя промежуточные итоги сказанному, можно утверждать, что в российском праве сегодня существует нормативный правовой акт, дублирующий УК РФ, не согласующийся с основными положениями Конвенции о защите прав человека и основных свобод, служащий пристанищем репрессивных политически-ориентированных норм; акт, название которого как кодекса об административных правонарушениях не соответствует ни его содержанию (поскольку содержит он не только правонарушения против порядка управления), ни процедуре применения (поскольку наличествует очевидная тенденция к переводу многих предусмотренных им правонарушений в судебную юрисдикцию); акт, «инфляционно» раздутый и часто бездумно, вне системно и без должной научной проработки пополняемый новыми составами правонарушений. Должна ли сложившаяся ситуация быть исправлена?

Попытки возвести административную ответственность к дореволюционному праву [12, с. 12–15] скорее обречены на провал, поскольку все разновидности карательной ответственности объединялись в область права уголовного, а частные изъятия, сделанные в период контрреформ в правление Императора Александра III, расценивались неодобительно и критически.

Так, Н.Д.Сергеевский в контексте полицейских нарушений, в современной литературе часто рассматриваемых как прообраз административных деликтов, писал, что «полицейской неправды как особого рода неправды не существует, и нет никакой надобности вводить это деление» [22, с. 63].

По мнению Н.С.Таганцева, «уголовные и полицейские посягательства представляются особой группой уголовно наказуемых деяний, а отнюдь не отдельными родами неправды» [23, с.108]; попытки и критерии их различения не выдерживают критики [23, с.105–110]. Относительный прообраз КоАП РФ, Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями 1864 г. (который вместе с тем никогда не отрывался от отрасли уголовного права), должен был в начале XX в. уступить место единому кодифицированному акту, Уголовному уложению 1903 г. делившему все «преступные деяния» на тяжкие преступления, преступления и проступки. И хотя ст.5 Уголовного уложения предусматривала, что «действие сего Уложения не распространяется на: 1) деяния, наказуемые по законам церковным, воинскому и военно-морскому уставам о наказаниях, уставам дисциплинарным, Уставу о ссыльных и уставам казенных и административных управлений, а также по особым положениям и узаконениям, в пределах, сими законами, уставами, положениями и узаконениями установленных...», это не следует расценивать как признание существования права административных правонарушений.

В теории уголовного права подчеркивалось ограничительное действие этого ограничения: во-первых, деяние, наказуемое по особым узаконениям, оставалось технически преступным деянием, изъятым из-под действия Уголовного уложения на основе специальной нормы; во-вторых, сомнение в наказуемости деяния по нормам Уголовного уложения или по особым узаконениям разрешалось в пользу Уголовного уложения; в-третьих, действие общих положений Уголовного уложения безусловно распространялось на нарушения особых узаконений [25, с. 9–11].

Создание права административных правонарушений в советскую эпоху было обусловлено не особой их природой, а скорее необходимостью обеспечить упрощенное привлечение к ответственности правонарушителей, без должных судебных гарантий. Обобщая особенности механизма административной ответственности в советский период (меньшая, чем у уголовных преступлений, общественная опасность административных проступков определенным законодательно перечнем специфических видов наказаний за административные проступки; упрощенный внесудебный (в отличие от уголовной ответственности) порядок назначения наказаний за административные проступки; и др.) [13, с. 38–39], А.В. Кирин не учитывает, что это не более чем формальные характеристики административных деликтов, не доказывающие самостоятельность этого вида ответственности.

Иными словами, с их исчезновением или смешением с соответствующими уголовно-правовыми и уголовно-процессуальными институтами (что уже было показано ранее) утрачивается и основание выделения последней.

В современных условиях административисты находятся в затруднительном положении: подчеркивая, что «главной особенностью административно-деликтного права является относительная, но исторически постоянная автономность этой подотрасли от других составных частей внутренней структуры административного права» [11, с. 3], они тем самым, во-первых, признают искусственность права административных правонарушений внутри административного права и, во-вторых, опираются в доказательстве существования первого единственно на наличие КоАП РФ.

В итоге делается парадоксальный вывод о том, что «административно-деликтное право объективно ориентировано в своем развитии на логику и путь развития своего “старшего брата” – уголовного права» [11, с. 3]: однако имеет ли смысл подражать, пытаясь отрицать историческую включенность права административных правонарушений в уголовное право, «технически» прерванную советским периодом?

Представляется, что существование права в административных правонарушениях является искусственно поддерживаемым пережитком советского времени. Сформировавшееся в этот период представление о существовании наряду с уголовной ответственностью еще и ответственности

административной – ошибочно: последняя является ничем иным, как разновидностью ответственности уголовной или, точнее, ответственности наказательной (карательной).

В условиях советской системы административное давление государства требовало обособления правонарушений по упрощенному процессуальному механизму привлечения к ответственности, но не по существенным признакам таких правонарушений, и поэтому неудивительно, что иногда чисто уголовные карательные меры (в виде ссылки, высылки и даже лишения свободы) выдавались за административные вследствие особенностей их применения.

Сегодня же обосновать существование административной ответственности процессуальными особенностями рассмотрения и разрешения дел об административных правонарушениях нельзя, поскольку процесс не может определять природу ответственности (это ставит «телегу впереди лошади»), да и само по себе существование ответственности, налагаемой преимущественно органами исполнительной власти (пусть и с возможным последующим судебным обжалованием), вряд ли соответствует идее разделения властей и принципу *nemo iudex in causa sua*.

Итак, сложившееся в теории права многообразие понимания ответственности объединяет среди прочего подчеркивание неблагоприятной природы ответственности для правонарушителя [10, с. 318]. Однако эта «неблагоприятность» может быть, го Например, Постановлением ЦИК СССР и СНК СССР от 5 ноября 1934г. № 22 «Об Особом Совещании при НКВД СССР» Особому совещанию при НКВД СССР было предоставлено право применять к лицам, признаваемым общественно опасными: а) ссылку на срок до пяти лет под гласный надзор в местности, список которых устанавливается НКВД СССР; б) высылка срок до пяти лет под гласный надзор с запрещением проживания в столицах, крупных городах и промышленных центрах СССР; в) заключение в исправитель но-трудовые лагеря на срок до пяти лет; г) высылку за пределы СССР иностранных подданных, являющихся общественно опасными. Применение этих мер не требовало даже совершения лицом преступления или правонарушения; достаточно было признания его общественно опасным. Литература тех лет открыто называла эти меры административными [17, с. 223–231].

Говоря в общем, двоякого свойства: она может носить либо компенсаторный характер, когда пострадавшей стороне возмещаются ее убытки 5, и в связи «потерпевший-виновный» государство остается по большей части незаинтересованным арбитром; либо наказательный, карательный характер, когда в связи «потерпевший-виновный» первый исчезает, и его место занимает государство, требующее «тело и кровь» виновного.

Первая разновидность ответственности может быть названа гражданской ; вторая уголовной или, точнее, наказательной Ничего промежуточного в

виде административной ответственности здесь невозможно разместить: она носит карательный (наказательный) характер, она есть разновидность, используя европейские языковые юридические конструкции, пенальной ответственности, в которую она входит наряду с собственно уголовной (говоря опять европейскими языками) ответственностью.

Именно компенсаторный характер по преимуществу носят положения ст.12 ГК РФ о способах защиты гражданских прав. С р.: Гражданско-правовая ответственность «носит имущественный характер и состоит в применении к правонарушителю имущественных мер в целях восстановления имущественного положения потерпевшего (кредитора) в то состояние, в котором оно находилось до совершения правонарушения.

Гражданско-правовая ответственность призвана восстановить имущественный статус потерпевшего. ...Гражданско-правовая ответственность, в отличие от уголовной, не имеет карательной направленности в том смысле, что не преследует цели наказания привлекаемого к ответственности лица, поскольку воздействует на имущественную сферу правонарушителя, но никак не на его личность» [8, с. 943]. 6

Выделение гражданской и уголовной ответственности как двух основных блоков ответственности здесь производится, во-первых, исключительно в контексте правоотношений, одним из участников которых является частный субъект (физическое или юридическое лицо); во-вторых, это лишь общий набросок, не исключающий дополнений и частных изъятий как в гражданской, так и в уголовной ответственности.

Мы не затрагиваем ответственность публично-правовых образований перед частными субъектами в силу ее специфики; также в стороне оставляется дисциплинарная ответственность, где государство не присутствует по общему правилу даже как арбитр спора. Иными словами, признавая чрезмерную общность предложенной схемы, мы отстаиваем ее истинность в принципе, предлагая следовать далее по этому теоретическому пути. тип уголовной ответственности, в которую входит ответственность за преступления, с одной стороны, и за проступки, с другой.

Административная ответственность не является таковой ни содержательно, ни процессуально, и «тупиковость» попыток выделения административной ответственности прослеживается даже в классических работах по теории советского права. Например, О.С.Иоффе и М.Д. Шаргородский писали:

«Основное целевое назначение мер юридической ответственности состоит в том, что они призваны обеспечить охрану социалистических общественных отношений и тем самым способствовать укреплению надлежащих условий их дальнейшего успешного развития.

Эта цель в различных отраслях права достигается различными способами. Так, в уголовном праве она достигается путем оказания определенного воздействия на личность преступника непосредственно.

В гражданском праве воздействие на личность правонарушителя оказывается косвенно, путем обращения взыскания не посредственно на принадлежащее ему имущество.

В административном праве применяется метод как прямого, так и косвенного воздействия на личность правонарушителя» [10, с. 322]. И далее ими еще несколько раз подчеркивается «промежуточность» административной ответственности.

Однако, во-первых, нет ничего неопределеннее «промежуточности» и, во-вторых, нет ничего сложного в том, чтобы такую «промежуточность» развести по двум блокам ответственности.

С.Н.Братусь, анализируя виды юридической ответственности, неоднократно возвращается к тезису о родстве уголовной и административной ответственности и противопоставляет ее гражданско-правовой: «Не надо “криминализировать” гражданско-правовую ответственность и находить в ней те черты, которые присущи лишь уголовному наказанию и примыкающему к нему административному взысканию» [3, с. 126].

Поэтому «размывание» в последние годы границ уголовной репрессии (например, символическое переименование административного взыскания в административное наказание, крупные штрафы и идентичные уголовным виды наказаний в КоАП РФ и др.), практика Европейского Суда по правам человека, уже указывавшего России, что санкции налогового и иных отраслей права по существу являются уголовными в смысле ст.6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод⁷, безуспешность административистов в их попытках выделить качественные (а не случайные) признаки административных правонарушений ставят в повестку дня вопрос о признании существования уголовного права в «широком» смысле слова.

Предметом уголовного права в таком его понимании являются общественные отношения, возникающие в связи с совершением лицом уголовно-наказуемого деяния (преступления или проступка) и применением к такому лицу наказания или иных мер уголовно-правового характера.

Эти общественные отношения, будучи урегулированными нормами уголовного права, становятся охранительными уголовными правоотношениями. Их субъектами являются, с одной стороны, лицо, совершившее общественно опасное деяние и обязанное подвергнуться за его совершение наказанию или иным мерам уголовно-правового.

Одно из последних решений Европейского Суда по правам человека в этой области связано с делом Ю КОС а (решение вынесено 20 сентября 2011г., жалоба No 14902/04).

В последние годы наблюдается всплеск интереса к этой теме. Одной из первых работ стала статья И.А. Клепиц кого [14, с. 65–74]. Впоследствии к этой теме с противоположных позиций обращались Л.В. Головкин [24] и Н.Е. Крылова [16, с. 721–727].

Право административных правонарушений является составной частью уголовного права в Германии, где наряду с Уголовным уложением (StGB)

существует также Федеральный закон об административных правонарушениях 1987 г. (OWiG). В соответствии с § 46 (абз. 1) OWiG «общие уголовно-процессуальные законы (в том числе УПК ФРГ) имеют действие в том объеме, в котором Законом об административных правонарушениях не предусмотрено особое регулирование» [6, с. 38].

Во Франции трехчленная классификация уголовно наказуемых деяний на преступления, проступки и нарушения (ст. 11-1 УК (Code pénal)) позволяет соотносить российские административные правонарушения именно с уголовно наказуемыми нарушениями (les infractions pénales) по французскому праву. характера, и, с другой, государство в лице своих компетентных органов 10, имеющее право применить к указанному лицу наказание или иные меры уголовно-правового характера. При этом отношения не носят односторонне обязывающего характера: лицо имеет право требовать законного, справедливого и гуманного обращения со стороны государства, которое обязано действовать указанным образом.

С точки зрения своих источников эта отрасль должна представлять собой единый в общих положениях для всех разновидностей наказуемых правонарушений (преступлений и проступков) УК РФ. В Особенную часть УК РФ при этом можно включить описание лишь составов преступлений, реализовав верную в общем-то идею о создании «маленького, но жесткого» кодекса и переведя в категорию проступков значительную часть нынешних преступлений. Место КоАП РФ должен занять, к примеру, Кодекс о наказаниях за проступки (с очевидной реминисценцией к Уставу о наказаниях, налагаемых мировыми судьями 1864 г.).

Процессуальные нормы КоАП РФ, в свою очередь, можно имплементировать в УПК РФ.

Однако технические вопросы здесь второстепенны; главным же видится четкое разграничение преступлений и проступков, назначаемых за их совершение наказаний и создание надлежащих процессуальных гарантий лицам, привлекаемым к ответственности за последние. От этого выиграет вся российская правовая система: административное право, освободившись от несвойственной ему карательной направленности, сможет сосредоточиться на своем предмете, и если ему так уж хочется института «Именно «в лице своих компетентных органов», поскольку Конституция РФ (ч.1 ст.49) гарантирует судебное разбирательство уголовного дела только обвиняемому в совершении преступления; наказание за проступок вполне может быть назначено иным компетентным органом при условии, во-первых, надлежащих процессуальных гарантий прав привлекаемого к ответственности лица и, во-вторых, предоставления возможности судебного обжалования вынесенного решения.

При этом тенденцию к расширению судебной юрисдикции в этой области необходимо поддерживать Есаков Г.А.